

ВОЙНА ОБРАЗОВ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена исследованию концептуальных и методологических оснований семиотики международных отношений через призму представлений о ноомахии и эйдомахии. Предложено понимание эйдомахии как интердискурсивного пространства международной политики, осуществлен его системный анализ. Показана логика становления семиотики международных отношений, дана ее политологическая дефиниция. Символическая политика рассмотрена в контексте процессов визуализации и концептуализации. Уточнена типология символических ориентаций Р. Элдера и Ч. Кобба. Проанализированы основные тренды трансформации семиотического измерения международных отношений. Кинематограф Холодной войны представлен как инструмент семиотизации политики.

Ключевые слова: ноомахия, эйдомахия, Холодная война, кинематограф, визуализация, концептуализация, семиотическое производство, символическое насилие.

The article is devoted to the study of the conceptual and methodological foundations of the international relations semiotics through the prism of noomachia and eidomachia ideas. An understanding of eidomachia as an interdiscourse space of international politics is proposed, its system analysis is carried out. The logic of the formation of the international relations semiotics is shown, and its political definition is given. Symbolic policies are considered in the context of visualization and conceptualization processes. The typology of symbolic orientations is clarified. The main transformation trends of the semiotic dimension of international relations are analyzed. The cinema of the Cold War is presented as a tool for the semiotisation of politics.

Key words: noomachia, eidomachia, Cold War, cinema, visualization, conceptualization, semiotic production, symbolic violence.

Современная символическая политика: между ноомахией и эйдомахией

Каждый исторический период представляет собой своеобразный семиотический континуум и именно он есть «данная нам в ощущении реальность». Чем ближе к современности, тем этот тезис становится все более очевидным. Homo sapiens, ранее помещавший между собой и миром только орудия (физического) труда, реально изменявшие лик природного бытия, стал создавать орудия (интеллектуального) труда — сигналы, знаки, символы,

© Смирнов Д. Г., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

• Серия «Гуманитарные науки»

виртуально изменяющие (или, точнее, конструирующие) лик социоприродного и социального бытия.

Война есть всегда эпоха (пере)напряжения всех производительных сил. Долгое время первостепенное внимание уделялось в этом контексте сфере материального производства, ибо, казалось бы, исход противостояния напрямую зависит от технической стороны дела. Вместе с тем, метафора «войну выигрывает народ» отсылает к иной сфере производства — производства духовного. Эпоха Холодной войны в силу специфики разворачивавшегося тогда противостояния позволяет увидеть масштаб включенности духовного производства в этот «дистанционный» конфликт, который вполне может быть рассмотрен как явленная нам форма ноомахии.

Как показывает Александр Дугин категория «ноомахия» допускает не только номинальное определение как «война ума» (от греческих слов nous — «ум», «дух», «интеллект», «сознание», «мышление», и «*machia*», «война», «битва», «бой», «сражение»); ее можно осмыслить также как «война внутри ума», «война умов», и даже как «война против ума». Для нас значимо, что в этом контексте пространство мышления рассматривается как поле ведения военных действий: «мысль ведет войны не только с феноменальностью, <...> но и с различными типами мыслей, с другими мыслями, со сложным многообразием вертикальных и горизонтальных эйдетических цепочек, пронизывающих реальность в разных плоскостях» [4].

Подобный онтологический взгляд на природу сознания и мышления может быть дополнен гносеологическим дискурсом, на чем отчасти «настаивает» циркулярная формулировка «онтология и теория познания». Холодная война в рамках философского подхода предстает как «ноомахия-в-себе» (война фундаментальных логосных структур), тогда как «ноомахия-для-нас» оказывается, скорее, эйдомахией, понимаемой и ощущаемой как война образов и их символических комплексов. Такой поворот имплицитно присутствует и у Александра Дугина, когда он пишет о «сложном многообразии вертикальных и горизонтальных эйдетических цепочек».

Эйдомахия предстает как определенное интердискурсивное пространство, в рамках которого сталкиваются и взаимоопределяются конкретные образы и формируемые ими символические комплексы. Интердискурсия представляет собой неоднородное пространство, где борются за приватизацию «верного» взгляда на мир доминантные и подчиненные дискурсы [26, p. 144]. *Системообразующим свойством* подобного — воспользуемся терминологией У. Эко — фехтования кодов выступает идея коллективной идентичности. Именно коллективная идентичность как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определение «наших» и «не-наших» задает эталоны нормы и девиации. Различные дискурсы утверждают символические границы между Своими и Чужими на собственный манер, определяя при этом «более Своих» и «менее Своих» (или «внутренних Чужих») [9, с. 40]. На *структурном уровне* коллективная идентичность разворачивается в рамках отношения власти / подчинения, которое в онтологическом смысле предстает как отношении субъекта и объекта. Знак оказывается не просто репрезентантом того или иного означаемого, а задает правила не только своего прочтения (интерпретации), но и требует соблюдения соответствующих правил поведения. Понимание знака (напрямую связанное с формированием привычки к действию) осуществляется по правилам, установленным этим самым знаком [18, с. 194—195]. Знаки, находящиеся

в определенном дискурсе, устанавливают отношение власти / подчинения, используя собственные семиотические средства. *Применительно к субстратному уровню* эйдомахии следует вести речь о конкретных кейсах, формах и инструментах символической политики.

Цель настоящей статьи заключается в определении концептуальных и методологических оснований семиотики международных отношений, основанием которой служит бинарная оппозиция Свой / Чужой. Хронологически нас интересует период Холодной войны, в рамках которого наиболее отчетливо, на наш взгляд, проявляет себя «проекция политики противостояния на экране» [12]. Среди способов конструирования образов Друга / Врага мы выбрали массовый кинематограф (СССР и США), который репрезентативен в качестве источника, ибо передает знаки различного когнитивного спектра, соединяя вербальный и невербальный языки.

К вопросу о семиотике международных отношений

Проникновение семиотического подхода в сферу международных отношений отчетливо обнаружила себя в 1970-х годах. Внимание исследователей в то время было сосредоточено на вопросах конструирования и динамики политических образов в пространстве международных отношений [23], а также проблеме когнитивного детерминизма в приятии / неприятии акторами символической политики «желаемых образов самих себя» [22]. Применимость общей теории знаков к пространству международных отношений может быть объяснено тем, что «внимание семиотики к значению сближает ее с конструктивизмом» [3, с. 137], который показал себя эффективным инструментом анализа.

Исходная масштабная проблематизация постепенно конкретизировалась, сформировав, по крайней мере два магистральных направления исследований — семиологическое (изучающее закономерности «языка» международных отношений) и собственно семиотическое (изучающее символические конвенции, характерные для локальных дискурсов или конкретных кейсов). Разнообразие дискурсов символической политики идентичности определяется характером знаковых систем (этнических, профессиональных, расовых, цивилизационных, гендерных и т. п.), которые репрезентуют тот или иной срез международных отношений. Такие системы знаков формируют собственные дискурсивные «семиотики» как определенные концепты, через которые разворачивается символическая политика.

Семиотика международных отношений в этом контексте предстает как знаковая система, включающая образы и отношения, маркирующие эталоны (нормы и девиации) поведения. Одновременно, она может рассматриваться в качестве соответствующей методологической программы, в центре внимания которой оказываются семантические, синтаксические и прагматические закономерности современной международной символической политики [3, 12, 14, 15, 20]. Семиотика международных отношений вынуждена прибегать к эксплуатации разнообразных символов — значимых детерминант локальной и глобальной социокультурной динамики — для конструирования определенной глокальной нормативной картины мира. Маркеры не только помогают определить Своих и Чужих, но и задают систему оценок и предпочтений, отношения неравенства и контроля. Цель подобной апелляции — добиться приятия желаемого стиля поведения или типа ориентации.

Символическая политика: визуализация vs концептуализация

Истоки интенсивного погружения в эйдомахию кроются собственно в трендах развития демократического либерального общества. Политика прозрачности, или режим прозрачности (Т. J. Clark) [17], интенсифицируя «визуальное производство» (Tom Holert) [21], захватывают в настоящий момент практически все уровни и все подсистемы современного социума, «исповедуя» при этом императив наглядности, или очевидности. Стало уже традиционным мнение, что подобная, в сути своей, символическая, политика выступает своеобразным когнитивным регулятором поведения, актуализируя и гиперболизируя для индивида метафору «кто-то хитрый и большой наблюдает за тобой».

Логика апологетов «наглядной» когнитивной (постмодернистской) революции оказывается во многом «реакционной». Философия сознания (как и философия образования) убедительно показывают, что формы наглядного (наглядно-действенного) осваиваются homo sapiens значительно раньше, чем формы концептуализации. А значит сведение концепта (понятия) к образу — есть в семиотическом смысле определенная когнитивная регрессия. Вместе с тем, подобная регрессия в некотором смысле закономерна и оправданна. Образы, используемые в символической политике, достаточно разнообразны: иногда они одиночны, иногда образуют символические ансамбли или комплексы. Системность (претензия на системность), характерная для второго варианта, более комплементарна для когнитивных интенций индивидуального и общественного сознания, учитывая тягу мышления к упорядочению «хаоса бытия».

В глубинном анализе транзитивности современной политики (в том числе и символической) ближе всего к ее пониманию подошел Александр Дугин, утверждающий, что «политика стала биополитикой, переместилась на индивидуальный и субиндивидуальный уровень» [4]. Идея биополитики интересна для нас тем, что она указывает на смену содержания когнитивных предпочтений — с «разумных» (читаемых, понимаемых) на «инстинктивные» (съедаемые). Именно с этим связано изменение направленности «производства (визуальных) образов», которые, с одной стороны, производны, а с другой, производительны [21, р. 9]. Иными словами, (функциональное) производство символа ради самого символа постепенно отходит на второй план, уступая место (инструментальному) производству символа для его последующего использования в рамках символической политики (см.: [17, р. 15]).

Сказанное выше позволяет глубже понять типологию символических ориентаций Р. Элдера и Ч. Кобба, которая строится на признании того, что для оценки потенциала политических образов, необходимо учитывать три составляющих символа: когнитивное содержание, валентность и системную значимость [6, с. 132]. Авторы фиксируют четыре типа символических ориентаций: идеологический, прагматический, реактивный и апатетический. Смещение центра тяжести в семиотической связке от «производности» на «производительность» позволяет проранжировать конкретных адресатов символической политики с точки зрения эффективности образа. При этом следует учитывать, что модель соотношения аффективных и когнитивных компонентов символов — а именно на этой основе формируется данная классификация — зависит не только от психологических особенностей индивида, а испытывает влияние со стороны различных социальных институтов, которые ответственны, например, за динамику когнитивных моментов восприятия.

Семиотическое производство, включающее производство, распределение, обмен и потребление образов (в нашем случае политических), разворачивается в рамках двух процессов — визуализации и концептуализации. Визуализация предполагает опредмечивание определенного концепта символической политики в рамках определенного дискурса. Концептуализация, напротив, предполагает распрямление конкретного образа или кейса с целью реконструкции смысла (для последующей визуализации). Эти два процесса определяют друг друга.

Сказанное выше позволяет прийти к заключению, что существуют открытые и закрытые (с точки зрения возможности и эффективности влияние и изменения) типы символических ориентаций. В результате, мы получаем следующую сетку: идеологический тип — закрытый, прагматический тип — полуоткрытый, реактивный тип — полузакрытый, апатетический тип — открытый. При наложении на эту классификацию оппозиции визуализации / концептуализации, мы получаем: идеологический тип — (концептуально-визуальный, прагматический тип — визуально-концептуальный, реактивный тип — концептуальный, апатетический тип — визуальный. Первый производит значения и семиотикует их. Второй потребляет образы и интерпретирует их. Третий потребляет образы и догматизирует их. Четвертый просто потребляет образы, которые им не распознаются.

Международные отношения: семиотическая динамика

Семиотическая типология, о которой речь шла выше, позволяет говорить об изменениях в способах визуализации и концептуализации на пространстве символической политики. Оставляя в стороне анализ конкретных образов и символьных комплексов, ограничимся определением основных трендов подобной семиотической динамики.

Коммуникативный (гендерный) поворот в международных отношениях совпал с окончанием Холодной войны, когда «феминистские взгляды на мировую политику проникли в науку и <...> более чем десять лет получали все возрастающее признание [11, с. 30]. В семиотическом плане это означало привнесение в коммуникативную ситуацию элементов субъект-субъектных отношений, задаваемых в немалой степени фемининной ориентацией. Наиболее отчетливо этот коммуникативный поворот проявился в перестройке «гендерных отношений в мировой политике на принципах диалога» [11, с. 18], задающего принципиально иной тип воздействия и взаимоотношений. Он подразумевает взаимодействие и взаимоизменение, тогда как субъект-объектная парадигма коммуникации даже не ставит вопроса о взаимоизменении, оставляя лишь одностороннюю зависимость, ибо субъект может изменить объект по своему усмотрению, а вот объект изменить субъект не в состоянии.

*Темпоральный поворот*¹. Время для международных акторов определяется степенью их близости к авангардным социальным группам — носителям так называемого «срединного» времени (см.: [5, с. 81—85]). Нам кажется, что в этом контексте более уместно использовать термин «опережающее» (создающее) время, что уточняет в целом верную авторскую структуру времени, в которой важные значения обретают «эсхатологическое» (отстающее,

¹ Международные отношения всегда предполагают зависимость от хронотопа, в котором они разворачиваются. При этом пространство и время внешнеполитического дискурса неоднородны.

разрушающее) время и «мобилизационное» (ускоряющее) время. Вместе с тем, понимание «нового» времени международных отношений должно учитывать его семиотическую природу, раскрывающуюся в своеобразном постмодернистском ключе: «...движение времени выражается не столько в пространстве, сколько в переключении внимания сознания», а прошлое есть «настоящее, которое потеряло значение для субъекта» [7, с. 172—173]. Получается, что время международного дискурса определяется свойствами знаков (образов), которыми он оперирует.

Топологический поворот. Динамика топологии международных отношений предполагает в значительной степени отрицание территориальной (предметной) закреплённости [1, с. 145] и утверждение закреплённости символической (образной). Происходит своеобразное территориальное абстрагирование, отвлечение физических свойства топоса, когда он активно осваивает номинальное семиотическое бытие. Пространство метафоризируется, превращаясь из физически трехмерного в семиотически одномерное, становясь сигналом или символом. Еще один момент здесь связан с тем, что публичность пространства неожиданно подверглась «приватизации» (хотя оба дискурса и сохраняют пока самостоятельность). Международные отношения расширяют свой топос за счет актуализации в дополнение к публичному пространству пространства приватного, что внесло заметные коррективы в содержание международной символической политики: оказалось, что «нельзя понять или интерпретировать независимо друг от друга области домашней, личной жизни и не домашней, экономической и политической» [8, с. 928].

Акторный поворот. Традиционное представление об акторах международных отношений как одушевленных элементов МО дополняется концепцией актантов как неодушевленных элементов МО [24]. Первые все еще сохраняют первенство в международном дискурсе, но признание «вездесущего политического семиозиса как системного императива» делает материальные элементы значимым компонентом семиотической ситуации. К актантам в данном контексте относятся место, где происходит данное событие, например, саммит, интервью; состояние, например, покой, динамика; объект, например, теракт, вышиванка и т. п. Актанты усиливают или ослабляют в зависимости от ситуации значимость акторов международных отношений

Когнитивный поворот связан с ориентацией на виртуализацию реальности международных отношений и оформлением парадигмы семиотического детерминизма, в рамках которого причинно-следственные связи устанавливаются не между фактами действительности, а между их означающими (образами, символами). Реальность международных отношений в полном смысле конструируется, то есть создается, зачастую, вне зависимости от конкретно-исторической действительности. В этом контексте интерпретационная модель одерживает верх над понимающей моделью познания сферы международных отношений. Интерпретационная парадигма обуславливает сосуществование различных равновероятных (равновозможных) картин мира.

Кинематограф как инструмент семиотизации политики

«Символическая борьба», целью которой является символический капитал и символическая власть как «власть творить мир при помощи слов» [2, с. 204] предполагает существования и символического насилия (которое разворачивается в различных дискурсах).

Кинематограф в этом случае предстает как инструмент символического насилия. Его инструментальные преимущества сводятся к следующим моментам: он представляет собой «экономный» способ организации картины мира, он «очеловечивает» (и натурализирует) эту картину мира, делая при этом мир более понятным и простым². Он апеллирует к дискурсу повседневности: у зрителя имеется уже сложившаяся когнитивная привычка разворачивания смыслов того или иного гендеризированного образа. Его задача предложить процесс принятия, отождествления, идентификации с определенными диспозициями (норма / девиация) и эффектами значений.

И в СССР и в США кинематограф (несмотря на его «национальную» специфику) отражал и эффективно репрезентовал противостояние двух империй [10, 13, 19, 25] в разнообразных дискурсах. Он создавал картину мира значений (героев и антигероев; революций и контрреволюций), которые отчетливо репрезентовали идеологическую конфронтацию сверхдержав. Семиотика международных отношений в отличие от аналогичного контент-анализа, пользующегося преимущественно методами количественной социологии, позволяет увидеть, как создается смысл, обнаружить его структуры [14, с. 105], задаваемые различными системами знаков — этническими, конфессиональными, расовыми, цивилизационными, гендерными и т. д.

Семиотика международных отношений задается отношением власти / подчинения, которое включается в более фундаментальную систему отношений субъекта / объекта.

Итак, кинематограф, стереотипизирующий поведенческие модели и практики, в интересующем нас контексте, предстает как один из инструментов международных отношений, который через идентификацию с предлагаемыми сюжетными диспозициями и эффектами значений образов, предлагая принять их в качестве эталона / девиации индивидуального поведения, задает (воспроизводит) сложившуюся систему взаимодействий. Наиболее отчетливо это видно на примере игрового кинематографа.

Вместо заключения

Дополнительность формулы «ноомахия / эйдомахия» задается философскими смыслами: ноомахия раскрывает онтологический смысл современной войны, тогда как эйдомахия отсылает к его когнитивной (гносеологической) составляющей. В когнитивном плане ноомахия ориентирована на режим концептуализации, тогда как эйдомахия подкрепляется режимом визуализации. Следуя этой логике, «режимы» визуализации и концептуализации следует рассматривать не с позиции их противопоставления, а в рамках дискурса дополнительности. Причем здесь возможны различные когнитивные модели: нисходящая и восходящая. В восходящей (слабой) модели визуализация может предполагать концептуализацию, то есть образ может быть достроен до концепта; из образа может быть выведена цель символической политики, ее системообразующее свойство. В нисходящей (сильной) модели

² Эти особенности визуализации картины мира свойственны не только кинематографу, ибо метафора, как основной семиотический прием, присущ в целом художественному мировоззрению. Так, например, Ян Кларк очень точно передает модель отношений двух сверхдержав, подмечая, что обращение США с Россией во многом напоминает отношение «к провинившемуся мальчику, проходящему испытательный срок» [16, p. 178].

концепт как системообразующее свойство символической политики разворачивается в соответствующие образы.

В системе международных отношений системообразующим свойством выступает идея коллективной идентичности. На структурном уровне коллективная идентичность разворачивается в рамках отношения власти / подчинения, которое в онтологическом смысле предстает как отношения субъекта и объекта. Применительно к субстратному уровню следует вести речь о конкретных кейсах, формах и инструментах символической политики. Семиотика международных отношений в этом контексте предстает и как знаковая система, включающая образы и отношения, маркирующие эталоны (нормы и девиации) поведения, и как соответствующая парадигма.

Динамика семиотического измерения международных отношений формируется следующими трендами — коммуникативным (гендерным), темпоральным, топологическим, акторным и когнитивным поворотами. Эти трансформационные тренды оказывают влияние на устоявшиеся типы символических ориентаций через призму процессов визуализации и концептуализации.

Игровой кинематограф оказывается ключевым инструментом семиотизации международной политики. В эпоху Холодной войны он идеологически рассматривался как «окно в Европу», через которое советский зритель наблюдал провалы заговоров противников стран народной демократии и непосредственно СССР, обусловленные в немалой степени самим образом жизни империалистического запада.

Библиографический список

1. *Брайдотти Р.* Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II : хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2001. С. 136—163.
2. *Бурдые П.* Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. 288 с.
3. *Гудалов Н. Н., Тулунов Д. С.* Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов // ПОЛИТИЯ. 2018. № 1 (88). С. 135—147.
4. *Дугин А. Г.* Ноомахия. Три Логоса. М. : Академический проект, 2014. 447 с.
5. *Ильин В. В., Панарин А. С.* Философия политики. М. : Изд-во МГУ, 1994. 283 с.
6. *Кобб Р. У., Элдер Ч.* Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 131—145.
7. *Летов О. В.* Проблема научной объективности. От постпозитивизма к постмодернизму. М. : РАН ИНИОН, 2010. 196 с.
8. *Оукин С. М.* Гендер: публичное и приватное // Гендерная реконструкция политических систем. СПб. : Алетей, 2004. С. 920—945.
9. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart, Hannover : Ibidem, 2007. 290 с.
10. *Рябов О. В.* «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946—1963 гг.) // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 166—176.
11. *Тикнер Дж. Э.* Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. ; под ред. Д. И. Польшанного. М. : Культурная революция, 2006. 336 с.
12. *Федоров А. В.* Образы холодной войны: проекция политики противостояния на экране // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 48—64.

13. Федоров А. В. Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М. : Информация для всех, 2017. 389 с.
14. Ярская-Смирнова Е. Р. Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 2. С. 100—117.
15. Boulding K. E. National images and international systems // Journal of conflict resolution. 1959. Vol. 3, № 2. P. 120—131.
16. Clark I. The post-cold war order: the spoils of peace. New York : Oxford univ. press, 2001. XI. 276 p.
17. Clark T. J. The Painting of Postmodern Life? // Quaderns portàtils. 2009. № 20. P. 1—18.
18. Eco U. The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington and London : Indiana University Press, 1979. 273 p.
19. Gillespie D. Russian Cinema. New York : Longman, 2002. 216 p.
20. Hirshberg M. The Self-Perpetuating National Self-image: Cognitive Bases in Perceptions of International Interventions // Political Psychology. 1993. № 10. P. 77—93.
21. Holert T. Visual Production; Political_Practice? // A Gathering of the Tribes. 2013. № 14. P. 7—10.
22. Jervis R. Perception and misperception in international politics. Princeton : Princeton University press, 1976. 464 p.
23. Jervis R. The Logic of Images in International Relations. Princeton : Princeton University Press, 1970. 281 p.
24. Pacher A. Objects and Nonhumans in Diplomatic Theory: A Political Semiotics for International Relations (January 30, 2018). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3113167> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3113167>
25. Shaw T., Youngblood D. Cinematic Cold War: the American and Soviet Struggle for Heartsand Minds. Lawrence : University Press of Kansas, 2010. 301 p.
26. Tickner J. A. Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era. New York : Columbia University Press, 2001. 200 p.